

Герои

XIX век

В XVIII веке жизнь нашей Церкви, лишенной патриарха и возглавленной светским Синодом, была регламентирована на манер чиновничьего учреждения. Изъятие церковных земель сделало ее нищенкой на содержании государства. Из более чем тысячи монастырей — цитаделей веры — сохранилась всего треть. Духовенство утратило силу нравственного авторитета. Народ с недоверием смотрел на казенную, подневольную Церковь и уходил в раскол, в секты. Дворянство повлеклось к антихристианским учениям и прямому безбожию. Развращались нравы... Это была катастрофа.

И вот будто в ответ на внешние притеснения в сокровенных церковных глубинах прорастают семена духовного возрождения. Кое-где в монастырях стал утверждаться дух древнего строгого подвижничества. Зародилась традиция старчества — когда умудренный подвижник руководил духовной жизнью множества мирян. Таким старцем-учителем был и Серафим Саровский. В XIX веке старчество оказало могучее влияние на русскую творческую элиту. А с 1820-х годов трудами московского митрополита Филарета (Дроздова) ширилась просветительская работа Церкви, улучшалось духовное образование, раскрутилось во всю мощь христианское миссионерство на иноверческих окраинах империи. Церковь постепенно возвращала себе доброе имя и высокий статус...

*Преподобный
Серафим Саровский
кормит медведя.
Изображение второй
половины XIX в.*

Преподобный Серафим Саровский

Победитель духовной брани

Подвиги бывают разными. Могут быть на войне... а могут быть тоже на войне, только война эта не физическая, а духовная. Война за свою душу, война против духов зла, война против своей слабой, испорченной грехом природы. Тех, кто совершает такой подвиг, Церковь называет преподобными — то есть ставшими подобным Богу. Таков преподобный Серафим Саровский — великий святой нашей Церкви.

◀ Памятник преподобному Серафиму в Дивееве

Восхождение в подвигах

Мирское имя преподобного Серафима — Прохор Мошнин, родом он был из курских купцов, но с юности понял, что мирская жизнь не для него. И первым его подвигом стал подвиг послушания, самый обычный для монастырских насельников. Для 24-летнего Прохора он начался в 1778 году, с прихода в Саров. Жизнь в монастыре вообще трудна и сурова — тут и тяжелая физическая работа, и углубленное внимание к своей душе, и непрестанная молитва, и строгое воздержание. А если к тому же человек имеет сердце, пламенеющее к Богу, он сам будет стремиться к гораздо большим трудам, подвигам веры и терпения. Поэтому его жизнь в монастыре оказывается намного суровее. Уже во время послушничества Прохор показал себя именно таким. Любые тяжелые работы — в хлебопекарне, в столярной, на рубке леса — он исполнял безропотно, со всем усердием и любовью к делу. Позже он говорил, что послушание — корень спасения: «Здесь и смирение, и подвиг». Послушание разрушает гордыню, причину всякого зла: гордым, как известно, Бог противится, а смиренным дает благодать.

Горение к Богу у послушника оказалось столь ярким, что при монашеском постриге восемь лет спустя он получил имя Серафим (по-еврейски это значит «пламенный»). Чуть позже он стал диаконом, а затем священником, иеромонахом. Служа в церкви, отдаваясь священническому служению всеми силами души, он как будто переносился в рай, наяву видел ангелов и даже Бога. Однажды во время литургии Серафим увидел Иисуса Христа, «грядущего на воздухе», и «удостоился особенного от Него благослове-

Служа в церкви, он как будто переносился в рай, наяву видел ангелов и даже Бога.

▲ **Серафимо-Дивеевский женский монастырь.**
С открытки XIX в.

▼ **Н. А. Мотовилов.**
Фото третьей четверти XIX в.

ния», как сам позже рассказал. Только об одном он жалел: «Почему человек не может, подобно ангелам, беспрестанно служить Господу?»

Но и на этом душа пламенного Серафима не могла остановиться и желала большего — уединенной, углубленной молитвы. В 1794 году он переселился в «пустыньку» — тесную деревянную келью в дремучем саровском лесу, в нескольких верстах от монастыря. Здесь много лет он совершал следующий подвиг — пустынночествия. Это особый иноческий подвиг, не каждому монаху он по силам. Он требует усиления и постничества, и молитвенных трудов, и духовного трезвения. Последнее нужно особенно, чтобы не попасться на искушения и соблазны, не поддаться страхам, которыми мучает пустытника вся бесовская рать падших духов. «Батюшка, видали ли вы злых духов?» — спросили его много позже. «Они гнусны...» — был ответ.

Только по воскресеньям он приходил в монастырь для причащения. Питался с собственного огорода (да и то не всегда — несколько лет он подкреплял телесные силы одной лишь травой сънутью); в жестокие морозы носил ту же одежду, что и летом. «Томлю томящего меня», — говорил он, имея в виду борьбу с низменной человеческой природой, испорченной грехом, подверженной нечистым страстям, как телесным, так и душевным. И в любое время, за любой работой Серафим не переставал творить внутреннюю молитву, так что нередко надолго застывал «как бы в изумлении», созерцая небесные тайны.

Вскоре к своим трудам Серафим прибавил новый и чрезвычайный подвиг — столпничество, молитвенное стояние на камне.

В монашеской практике это очень редкий вид аскетического делания. Поводом оказалось предложение Серафиму стать настоятелем некоего монастыря. Он отказался, но помысел тщеславия все же возник. Преодоление искушений (а искушение властью — одно из коварнейших) очищает и укрепляет подвижника, как огонь — золото и сталь. Три года после этого длилось покаянное стояние на камне. Каждую ночь Серафим со слезами взывал к Богу, стоя на коленях на большом лесном валуне. А днем возносил покаянную молитву в келье, где тоже установил камень. Немерющие вздетые руки, изнуренная плоть, костяные мозоли на коленях. «Это выше сил человеческих», — скажет один из тех, кому Серафим под конец жизни открыл эту страницу своего монашеского бытия.

В диких пустынных местах подвижник терпит и нападения от лихих людей. Однажды в лесу на Серафима напали разбойники. Физически он был очень силен, у него был топор, он мог защищаться — но не стал. Жизнь монаха целиком принадлежит Богу, и если Господь счел лучшим для него пострадать от человеческих рук — то следует смириться и не противиться. Это все тот же подвиг послушания. Серафима жестоко избili, нанеся смертельные раны. Лишь чудом он остался жив. Разбойников — местных крестьян — скоро нашли и хотели судить, но Серафим умолил ➤

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

отпустить их. А когда они раскаялись и пришли к нему, то простил их.

Через несколько лет подвижник усугубил свое аскетическое житие подвигом молчаливства, «блаженного безмолвия». Стал реже бывать в монастыре, прекратил всякое общение с мирянами, приходившими в его пустынь за духовным назиданием. «Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотями», — говорил христианский святой Варсануфий Великий. В этом священном безмолвии, соединенном с постоянной внутренней молитвой, подвижнику открывается простор для богосозерцания и богообщения. Это такое состояние, в котором, по словам святителя Феофана Затворника, «внутри собранный и углубленный дух огнем Духа Божественного возводится к серафимской чистоте и пламенению к Богу и в Боге». А древнерусский монах-писатель Епифаний Премудрый сказал, что тот, кто «вкусил сладости безмолвия», никогда по своей воле не захочет от него отказать, не пожелает ничего другого.

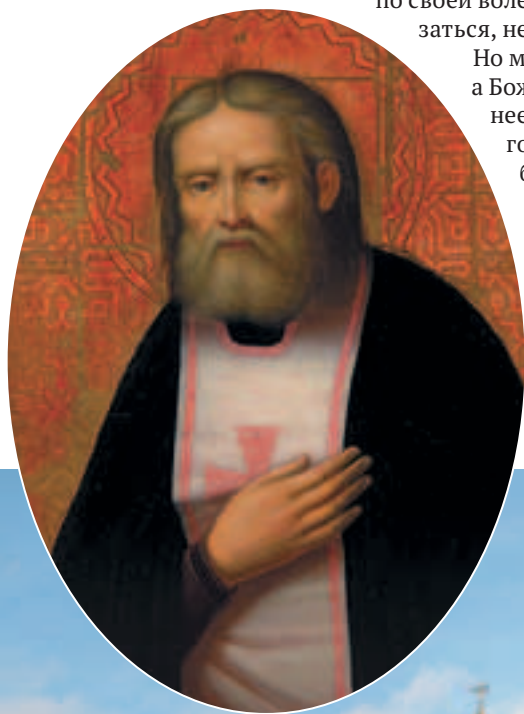
Но монах живет не своей волей, а Божьей. Кончилось его 16-летнее лесное уединение. В 1810 году Серафим вынужден был вернуться на жительство в монастырь — на

этом настояло монастырское начальство, и он подчинился без споров и обид. Однако еще несколько лет он пребывал в молчаливом затворе, чтобы окончательно утвердиться в бесстрастии, в совершенном внутреннем мире. Надо сказать, что затворничество как подвиг отличается от пустынножительства, так как оно проходит в многолюдном монастыре, где больше искушений человеческой суетой, труднее хранить безмолвие души.

«Проповедь в явлении духа и силы»

И, наконец, Серафим выходит на путь последнего, великого подвига — апостольского. Настало время Серафиму служить миру своей любовью, боговдохновенным словом и молитвой, «просвещая, руководя, чудодействуя».

Он начал принимать у себя людей. Слава о святом старце распространилась уже по всей России, к нему стали стекаться богомольцы. Но полностью двери своей кельи Серафим открыл для нескончаемого людского потока лишь в 1825 году, по прямому велению явившейся ему Божией Матери. Каждый день к нему собиралось до одной-двух тысяч человек. Он принимал всех с неизменной лаской, наставлял, по необходимости открывал будущее в их судьбе, исцелял

«Томлю томящего меня», — говорил он, имея в виду борьбу с низменной человеческой природой, испорченной грехом.

Он принимал всех с неизменной лаской, наставлял, по необходимости открывал будущее в их судьбе, исцелял болезни — душевные и телесные.

болезни — душевные и телесные. К нему шли все: бедные и богатые, больные и здоровые, простые умом и хорошо образованные.

Многой милости сподобился святой Серафим от Бога, многое ему было даровано за его непосильные труды. В народе он прославился обилием чудес. Не однажды старца видели в лесу кормящим диких медведей. Он мог неведомым образом переноситься из одного места в другое. Ему было дано повелевать стихиями. «Я мог бы и золу превратить в золото, но не хочу», — говорил Серафим. Он получил от Бога дар власти над жизнью и смертью. По молитвам его вставали на ноги неизлечимо больные.

Весь его земной путь стал примером жизни, в которой через любовь к Богу грешная и немощная человеческая природа преображается, становится вмещением Святого Духа. Однажды в беседе с помещиком Н. А. Мотовиловым, «служкой Серафимовым», как тот звал себя, преподобный раскрыл главный смысл жизни христианина. Истинная наша цель — «в стяжании Святого Духа», а молитва, пост и дела милосердия служат лишь средством к этому. Стяжание Святого Духа означает приобретение в душе своей «сокровища вечного, неоскудеваемого», которое «светится в сердце <...> Божественным светом». Этот свет иного, небесного мира изглаживает из сердца человека следы его грехов, «одевая <...> одеждой нетления», превращая человека в храм, где пребывает Бог.

Таким храмом, исполненным Божественного света, был Серафим. В той же беседе Мотовилов, не совсем понимая слова старца, попросил его объяснить получше, что такое благодать Святого Духа. Тогда преподобный взял его за плечи и сказал: «Мы оба теперь в Духе Божию. Что же ты не смотришь на меня?» Мотовилов ответил: «Не могу смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыплются. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли».

В церковном песнопении преподобному Серафиму говорится, что он «многим путь был ко спасению», то есть от него и через него многие идут ко Христу-Спасителю. Вот, например, свидетельство человека, до разговора со старцем равнодушного к вере: прежде «для меня в духовном мире все было совершенно безразлично, и я ко всему был одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущество Господа Бога...»

Митрополит Вениамин (Федченков) писал в своей книге о преподобном, что в каждого, кто к нему приходил, он точно «впрыскивал жизненную силу, светлую радость, подъем духовного напряжения, крепость в добре, желание исправления. Кратко сказать: пламенный Серафим зажигал людей огнем и благодатным духом возрождения».

▲ Явление Богородицы прп. Серафиму во время болезни. Литография, 1885

Вне времени

Каждая эпоха с ее представлениями о Боге, о «богах» или об отсутствии таковых — христианская, языческая, постхристианская — имеет свое понятие о том, что такое подвиг. Но почти всегда и везде подвиг — деяние общественно-значимое, жизненно важное для людей. Мы живем в эпоху, в которой смешаны разнообразные представления о мире — языческие и христианские, атеистические и прочие.

Но может ли подвиг веры христианского святого быть значимым для нехристианских слоев общества? Ответить на вопрос можно рассказом из книги митрополита Вениамина (Федченкова). Некая девушка очень жалела, что не может разувериться в Боге и в бессмертии души. Вера не давала ей грешить со спокойной совестью, как делали все ее подруги. А разувериться в бытии иной реальности она не могла потому, что знала о жизни и деяниях Серафима Саровского, о том, как Бог творил чудеса его руками. И этот факт не давал ей покоя...

Преподобный Серафим жил как бы вне времени. В фактах его биографии почти нет особых примет эпохи. А ведь за годы его монастырской жизни в России случились десяток войн, убийство императора Павла I, Гроза 1812-го года, мятеж декабристов. Это было время заграничных походов Суворова, наполеоновских войн, либеральных реформ Александра I, Золотого века русской поэзии и многого другого. Для человека, целенаправленно идущего к Богу, все исторические события — лишь фон и обстоятельства, в которых на земле спасаются или гибнут человеческие души. А Серафим помогал им спасаться, вымаливая и отдельных людей, и весь русский народ, проходивший свои страшные искушения безбожием, мятежом, развращением. И доныне он это делает. Вот его подвиг. ♣

Наталья Иртенкина

◀ Преподобный Серафим Саровский. Икона. XX в.

◀ Серафимо-Дивеевский женский монастырь. Фото Владимира Ештокина